

ПОМЕСТЬЯ КОРИФОНА

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Поместья Корифона

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Помесьтя Корифона / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516313-4

Между расами Корифона — ветроходами, странствующими по степям под парусами, свирепыми ульдрами и аристократами-пришлецами — поддерживается неустойчивый мир. Двести лет тому назад пришлецы захватили земли Алуана и живут в роскошных поместьях там, где когда-то правили вожди кочевников-ульдр. Когда самозванный «Серый принц» возглавляет восстание ульдр, мечтающих изгнать пришлецов с земли своих предков, ему приходится столкнуться с сопротивлением не только пришлецов, но и самой истории планеты!

ISBN 978-5-00-516313-4

© Вэнс Д.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	27
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Поместья Корифона

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2020

© Александр Фет, перевод, 2020

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-6313-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Космической эре тридцать тысяч лет. Веками люди переселялись от одной звезды к другой в поисках богатства и славы – Ойкумена составляет заметную часть Галактики. Торговые пути пронизывают космос, как капилляры – живую ткань; тысячи миров колонизированы: каждый не похож на другой, каждый накладывает неповторимый отпечаток на приспособившихся к нему мыслящих существ. Никогда еще род человеческий не был менее однороден.

Прорыв за пределы обжитого пространства тоже никогда не отличался ни планомерностью, ни единообразием. Люди беспорядочно прибывали и отбывали волнами и отдельными группами, гонимые войнами и религиозными верованиями, а нередко и самыми загадочными побуждениями.

Планету Корифон можно назвать типичной только в том, что касается разнообразия ее обитателей. На континенте Уайи ульдры освоили широкую полосу вдоль южного побережья – Алуан, тогда как на севере ветроходы бороздят на двух- и трехмачтовых парусных фургонах обширное плоскогорье Пальги. Оба народа – непоседливые кочевники; почти во всех остальных отношениях они несопоставимы. К югу, за Хурманским морем, простирается экваториальный континент Сцинтарре, освоенный пришлыми¹ космополитами, по уровню общественного развития намного опередившими как ульдр, так и ветроходов.

Автохтонами Корифона считаются две «квазиразумные» расы – эрджины и морфоты. Ветроходы одомашнивают и предлагают в продажу эрджинов особо крупной и кроткой разновидности; возможно, им удастся отбирать и дрессировать беспородных особей, добиваясь проявления желательных характеристик. Обо всем, что связано с разведением эрджинов, ветроходы распространяться не любят, поскольку торговля ими – источник дохода, позволяющий северным кочевникам приобретать колеса, подшипники и оснастку для парусных фургонов. Иные алуанские ульдры ловят и объезжают диких эрджинов, укрощая их свирепость электрическими шпорами и уздечками. Как домашние, так и дикие эрджины обладают телепатическими способностями, позволяющими им сообщаться между собой и с отдельными одаренными («вещими») ветроходами. Никакой связи, ни биологической, ни культурной, не существует между эрджинами и морфотами – злойредной, извращенной и непредсказуемой расой. Морфотов ценят только за жутковатую, неизъяснимую красоту. В Оланже на побережье Сцинтарре пришлые, привлеченные не в последнюю очередь щекочущими нервы кошмарными привычками морфотов, дошли до того, что учредили клуб любителей поглазеть на этих морских тварей.

Двести лет тому назад в Уайе приземлилась банда инопланетных флибустьеров, захватившая врасплох съехавшихся на конклав племенных вождей ульдр и принудившая южных кочевников уступить новоприбывшим право собственности на некоторые родовые земли, заключив пресловутые «Договоры о повиновении». Таким образом каждый из пиратов получил огромный надел земли площадью от пятидесяти до ста пятидесяти тысяч квадратных километров. Со временем эти наделы превратились в величественные помесья Алуана, где потомки завоевателей ведут привольную и роскошную жизнь в особняках-цитаделях, по масштабам соответствующих необозримости их владений.

Племена, подписавшие «Договоры о повиновении», мало пострадали – их образ жизни даже, пожалуй, улучшился. Новые плотины, запруды и каналы стали надежными источниками питьевой воды, кровавые межплеменные стычки запрещены, а помещицьи клиники обеспечивают хотя бы какую-то видимость медицинского обслуживания. Нередки случаи, когда уль-

¹ «Пришлые»: пренебрежительное прозвище, присвоенное кочевниками любым туристам, приезжим, недавним иммигрантам и вообще чужеземцам, не удостоенным судьбой называться чистокровными ульдрами или ветроходами.

дры-подростки посещают помещичьи школы и становятся приказчиками, кладовщиками или прислугой; другие нанимаются ухаживать за скотом.

Многие ульдры, однако, возмущаются своим очевидно подчиненным положением. На подсознательном уровне, возможно, не меньшее озлобление вызывает то никогда не упоминаемое вслух обстоятельство, что помещики не проявляют никакого интереса к женщинам из кочевых племен. В первоначальный период захвата земель, несомненно, имели место отдельные случаи изнасилований и принуждения к сожительству – таковы отталкивающие, но неизбежные последствия любого завоевания. Тем не менее, хотя ульдры мужского пола – высокие и мускулистые наездники с орлиными носами, искусственно придающие серой коже ультрамаринный оттенок – в целом отличаются более или менее представительной наружностью, того же нельзя сказать об их женах и матерях. Девушки-ульдры, дородные и приземистые, бреют головы наголо, чтобы избавиться от паразитов, и совершенно непривлекательны. По мере того, как они взрослеют, их массивные ягодицы и короткие толстые ноги остаются прежними, тогда как торсы, руки и лица вытягиваются; характерный для ульдр длинный нос отвисает, как сосулька, серая кожа покрывается грязноватыми разводами, а прически (замужние женщины позволяют волосам расти, невзирая на паразитов) торчат, окружая головы наподобие оранжевых одуванчиков. Пришлые помещики² издавна относились к девушкам и женщинам ульдр с безукоризненно вежливым безразличием, но именно эта подчеркнутая обходительность, парадоксальным образом, со временем стала восприниматься ульдрами как нечто унижительное и оскорбительное.

К югу от Хурманского моря протянулся узкий континент Сцинтарре со столичным портом Оланжем – модным курортом, часто посещаемым инопланетянами. У искушенных в житейских делах, любезных и образованных горожан Оланжа мало общего с помещиками – тех они рассматривают как напыщенных бюстителей устаревших традиций, лишенных стиля, грации и юмора.

В Оланже, в экстравагантном древнем сооружении, именуемом Палатой Хольруда, заседает Дума – совет тринадцати нотаблей, единственное правительственное учреждение Корифона. Хартия Думы гласит, что ее юрисдикция распространяется в равной степени на Сцинтарре и всю территорию Уайи; на практике же нотабли предпочитают не вмешиваться в дела помещиков и кочевников. Наследные помещики относятся к Думе как к неуместному средоточию праздного крючкотворства, договорные ульдры проявляют полное безразличие, вольные ульдры отвергают идею централизованной власти как таковой, а ветроходы даже не подозревают о существовании Думы.

Космополиты, населяющие Оланж, живут в атмосфере лихорадочного интеллектуального возбуждения и беспрестанной общественной деятельности. Сформированы комитеты и общества, представляющие всевозможные интересы и предпочтения, яхт-клуб, несколько ассоциаций авторов и художников, клуб знатоков-морфотографов, сцинтаррийская ассоциация любителей хуссейда, библиотека ойкуменических музыкальных архивов, товарищество устроителей Парильи (ежегодного фестиваля), колледж драматических искусств и гиперэстетическое общество «Дионис». Другие группы ставят перед собой филантропические или альтруистические цели – например, «Экологический фонд», добившийся запрета на ввоз любых инопланетных растений и животных независимо от их полезности или эстетической ценности. «Союз раскрепощения» развернул кампанию против «Договоров о повиновении»,

² Термину «энг-шаратц» (буквально означаящему «высокоцитимый владелец большого поместья») трудно подыскать удовлетворительный эквивалент. Титулы «барон» и «лорд» носят излишне официально-аристократический характер, а слово «эсквайр» вызывает в уме представление о земельной собственности скромных размеров; тем более неправильно было бы называть корифонских наследных землевладельцев фермерами или скотоводами, так как сфера их деятельности не ограничивается сельским хозяйством. Пожалуй, несмотря на излишний и отчасти неудобный исторический балласт смысловых ассоциаций, «энг-шаратц» точнее всего переводится как «помещик».

требуя упразднения поместий Уайи и возвращения земель племенам, подписавшим договоры. Партия «Борцов за эмансипацию эрджинов» (БЭЭ) настаивает на том, что эрджины – разумные существа, в связи с чем их порабощение незаконно. БЭЭ – группировка, производящая в Оланже, пожалуй, наибольший переполох, так как число эрджинов, импортируемых из Пальги в качестве домашней прислуги, сельскохозяйственных работников, уборщиков мусора и т. п., постоянно растет. Другие, не столь несговорчивые организации финансируют образование и трудоустройство ульдр-иммигрантов, переселяющихся из Уайи в Сцинтарре. Как правило, такие ульдры, происходящие примерно в равной пропорции из договорных и вольных племен, подвергают помещиков яростной критике. Их претензии, иногда вполне обоснованные, достаточно часто объясняются исключительно раздражением и неприязнью. Сторонники раскрепощения («раскрепостители») время от времени предъявляют Думе иски от имени ульдр-переселенцев, пытаясь побудить к действию это заносчивое, вязнувшее в обсуждении второстепенных деталей собрание, склонное к многословным поучениям, но движимое, как правило, сиюминутными прихотями и поветриями. Дума отмахивается от докучливых домогательств, жонглируя законами и прецедентами с ловкостью, достойной лучшего применения, либо назначает комиссию, рассматривающую иск и неизбежно приходящую к тому заключению, что условия существования на Договорных землях – просто райские по сравнению с тем, что делается на просторах Вольного Алуана, где независимые племена бесконечно враждуют, устраивая засады и набеги, сопровождающиеся массовыми убийствами, пытками, грабежами и прочими жестокостями, совершаемыми под предлогом возмездия. Раскрепостители отвергают подобные соображения, находя их не относящимися к существу дела. Они подчеркивают, что у договорных племен отняли исконные земли, прибегнув к насилию и обману. По их мнению, сложившаяся ситуация недопустима, а тот факт, что присвоение земель имело место двести лет тому назад, никоим образом не узаконивает допущенную несправедливость, но лишь усугубляет нанесенный ущерб. Большинство обитателей Сцинтарре в целом и в общем разделяет точку зрения раскрепостителей.

Глава 1

Шайна Мэддок и брат ее Кельсе с любопытством изучали друг друга в вестибюле космического порта Оланжа. Шайна ожидала, что Кельсе изменится, и перемены были налицо – пять лет явно не прошли даром. Покидая родное гнездо, она рассталась с прикованным к постели калекой, бледным, отчаявшимся; теперь Кельсе выглядел сильным и здоровым, хотя и несколько исхудавшим. Едва заметное прихрамывание почти не напоминало об искусственной ноге, а левая рука не уступала правой легкостью движений, хотя Кельсе презирал поддельную плоть – металлическую кисть облегал черная перчатка. Кельсе стал выше – этого Шайна ожидала, не представляя себе, однако, что брат настолько изменится в лице, вытянувшись и потемневшем, ожесточившемся выражением утонченной язвительности. Скулы его отчетливо выступали, подбородок торчал вперед, глаза сузились – Кельсе приобрел привычку посматривать искоса, будто чего-то опасаясь, что-то подозревая или кого-то осуждая. Последнее обстоятельство, по мнению Шайны, свидетельствовало о поистине коренном преобразовании: доверчивый, задумчивый подросток превратился в аскета, казавшегося лет на десять старше своего возраста.

Кельсе делал сходные выводы. «Ты изменилась, – сказал он. – Почему-то я рассчитывал встретить прежнюю веселую, легкомысленную, дурашливую девчонку».

«Мы оба не те, что прежде».

Кельсе презрительно покосился на свои протезы: «Ну да, конечно. Ты же еще не видела этих... приспособлений».

«Тебе удобно ими пользоваться?»

Кельсе пожал плечами: «Левая рука теперь сильнее правой. Могу колоть орехи пальцами и проделывать всякие потешные трюки. В других отношениях я, можно сказать, остался самим собой».

Шайна не удержалась от вопроса: «А я, по-твоему, стала совсем другой?»

Кельсе с сомнением смерил ее глазами: «Ну, повзрослела на пять лет. Теперь ты не такая тощая. И научилась одеваться – выглядишь неплохо. Уезжала-то ты чумазым чертенком в лохмотьях».

«Чумазым чертенком, да уж...» – тихо, меланхолично повторила Шайна. Пока они шли по космическому вокзалу, ее переполняли воспоминания и образы. Проказливая девчонка, не знавшая ни зла ни горя, канула в прошлое – так, будто на чужбине она провела не пять, а пятьсот лет. Каким простым и понятным все казалось в детстве! Рассветная усадьба была средоточием Вселенной – ни больше ни меньше. Каждый ее обитатель воплощал свое предназначение. Ютер Мэддок был источником и олицетворением власти. Его решения – нередко милостивые, время от времени загадочные, порой ужасные – были законом неоспоримым, как законы небесной механики. Вокруг Ютера, повелителя Вселенной, вращались она и Кельсе, а также – по орбите не столь устойчивой, то приближаясь к трону, то пропадая в тени опалы – Кексик. Незамысловатое распределение ролей усложнялось лишь довольно-таки неопределенным, двусмысленным положением Кексика. Шайне отводилась роль «чумазого чертенка в лохмотьях», очаровательной баловницы, почти ни в чем ни у кого не встречавшей отказа – как иначе? Кельсе столь же естественно становился в позу благородного гордеца-страдальца, а Кексику поручалось амплу удалого смельчака-весельчака. Таковы были неотъемлемые атрибуты бытия, безусловно подразумевавшиеся подобно розовому солнцу Метуэну в ультрамаринном небе Корифона. Унесенная мыслями в прошлое, Шайна видела себя на фоне Рассветной усадьбы: девочку среднего роста, не спешившую вытянуться, но обаятельно тонкую и длинноногую, без усталости бегавшую, плававшую и лазившую везде, где можно было пробежаться, плюхнуться в воду или куда-нибудь вскарабкаться. Такой она была – такой она, в сущ-

ности, и осталась. Ее загоревшая на солнце кожа чуть отливала золотом, темные волнистые локоны непослушно сплетались. Она смотрела на мир с радостным удивлением, смеясь улыбочивым широким ртом и широко раскрыв глаза, будто каждое мгновение было чревато новым чудесным откровением. Любовь ее была невинна, ненависть – нерасчетлива, настроение менялось каждую минуту – то она нежно сюсюкала, приголубив какую-нибудь мелкую тварь, то весело дразнилась, уверенная в своей быстроногой безнаказанности... Теперь, через пять лет, Шайна надеялась, что не только выросла, но и поумнела.

Кельсе и Шайна вышли из вокзальной суматохи в мягкое, тихое сцинтаррийское утро. Шайна вдохнула знакомый ветерок, напоенный ароматами листвы и цветов. Под темно-зелеными кронами джубб пестрели фестоны пунцовых соцветий – солнечный свет сочился сквозь листву, рассыпаясь размытыми розовыми узорами на черной мостовой проспекта Харанотиса.

«Мы остановились в „Морском просторе“, – говорил Кельсе. – По случаю твоего возвращения тетка Вальтрина, разумеется, сегодня же устраивает вечеринку. Можно было бы, конечно, не тратить деньги и ночевать в Мирасоле, но что поделаешь...» Кельсе раздраженно замолчал. Шайна вспомнила, что брат всегда недолюбливал Вальтрину. Кельсе спросил: «Вызвать такси?»

«Пойдем пешком. Здесь красиво! На борту „Ниамантика“ тесно, пришлось неделю провести взаперти, – Шайна глубоко вздохнула. – Я рада вернуться! Уже чувствую себя как дома».

Кельсе иронически хмыкнул: «Что тебе мешало приехать раньше?»

«О! Самые разные вещи, – Шайна беззаботно махнула рукой. – Упрямство. Своеволие. Папаша».

«Полагаю, что упрямства и своеволия у тебя не убавилось. Папаша тоже каким был, таким и остался. Если ты надеялась, что он станет податливее, тебя ждет большое разочарование».

«Нет у меня никаких иллюзий. Кому-то придется уступить – мне это не труднее, чем кому-либо другому. Расскажи об отце. Чем он занимается последнее время?»

Прежде чем отвечать, Кельсе задумался – такой привычки Шайна в нем раньше не замечала. «Пять лет промчались во мгновение ока, и он уже не ребенок», – подумала она.

«В общем распорядок жизни остался прежним, – прервал молчание Кельсе. – С тех пор, как ты уехала, было много новых хлопот и... Ты, конечно, слышала о „Союзе раскрепощения“?»

«Кажется. Точно не помню».

«Своего рода общество, основанное здесь, в Оланже. Раскрепостители хотят, чтобы мы разорвали „Договоры о повиновении“ и убралась из Уайи. Само собой, в этом нет ничего нового. Но в последнее время их движение вошло в моду, а Серый Принц, как он себя называет, стал популярной фигурой – символом грядущего раскрепощения, понимаешь ли».

«Серый Принц? Кто это?»

Кельсе криво усмехнулся: «Ну, скажем так... молодой ульдра из гарганчей, поверхностно образованный. У него хорошо подвешен язык, он умеет веселить публику и вызывает любопытство, как диковинный заморский фрукт – короче говоря, в Оланже по нему с ума сходят. Наверняка он не упустит случай покрасоваться на приеме у тетки Вальтрины».

Брат и сестра проходили мимо обширного синевато-зеленого газона, поднимавшегося от проспекта к цоколю высокого особняка с пятью фронтонами и башенками по углам фасада, выложенного горчично-желтой плиткой, перемежающейся полосами блестящего черного скиля – строения, задуманного в качестве эклектического каприза, но впечатляющего размерами и неким нескладным великолепием. Такова была Палата Хольруда, место пребывания Думы. Кельсе мрачно указал на нее движением головы: «Что ты думаешь? Раскрепостители уже там, „просвещают“ нотаблей... Конечно, я выражаюсь фигурально – они не обяза-

тельно выступают в Палате сию минуту. Отец настроен пессимистично. Он считает, что Дума в конце концов издаст указ не в нашу пользу. Сегодня утром от него пришло письмо...» Кельсе порылся в кармане: «Нет, оставил в отеле. Он собирается встретиться с нами в Галигонге».

Шайна удивилась: «Почему в Галигонге? Почему бы ему не приехать сюда?»

«Ехать в Оланж папаша отказался наотрез. Надо полагать, уклоняется от встречи с Вальтриной – боится, что та заставит его идти на вечеринку. В прошлом году она так и сделала».

«Отцу не повредило бы немного развлечься. Вальтрина устраивает веселые сборища, мне они всегда нравились».

«Ничего, зато на приеме будет Джерд Джемаз – он сумеет всем испортить настроение не хуже папаша. Джемаз привез меня на своем „Апексе“; он же отвезет нас в Галигонг».

Шайна поморщилась – нелюдимого Джемаза она считала диковатым типом и сторонилась.

Показался обрамленный парой колонн главный вход отеля «Морской простор». Шайна и Кельсе вступили на пологий эскалатор без ступеней, спускавшийся в вестибюль. Кельсе распорядился доставить багаж сестры из космопорта, после чего они решили прогуляться по открытой террасе над полосой прибоя, взяли по бокалу бледно-зеленого сока облачной ягоды с искрящимися осколками льда и присели на скамью, повернувшись к Хурманскому морю. Шайна сказала: «А теперь расскажи, как идут дела в Рассветной усадьбе».

«По большей части все, как прежде. В озере Фей заново развели рыбу. Я занимался розысками месторождений к югу от Бездорожья и наткнулся на древнюю качембу».³

«Ты в нее зашел?»

Кельсе покачал головой: «У меня от их закопченных закоулков мурашки по коже бегают. Но я упомянул о ней в разговоре с Кургечем. Он считает, что это, скорее всего, джирвантийская качемба».

«Джирвантийская?»

«Джирванты населяли Рассветные земли не меньше пятисот лет. Их поголовно истребили хунги, а потом пришли ао и вытеснили хунгов».

«Как поживают ао? Кто у них теперь матриарх?»

«Вопреки ожиданиям, столетняя Замина еще жива. На прошлой неделе они перекочевали в лощину Дохлой Крысы. Кургеч по пути завернул в усадьбу – я сказал ему, что ты приезжаешь. По его мнению, тебе следовало остаться на Танквиле – здесь, говорит, у тебя будет уйма неприятностей».

«Суеверный старый бес! Что он придумывает?»

«Кто его знает? Может быть, ничего. Просто „чувствует будущее“, как они выражаются».

Шайна отхлебнула из бокала, взглянула на море: «Шарлатан твой Кургеч. Не умеет он ни чувствовать будущее, ни угадывать судьбу, ни наводить порчу, ни передавать мысли на расстоянии. Чепуха все это».

«Неправда. У него есть способности самого удивительного свойства... Разумеется, Кургеч – всего лишь кочевник. Но он умудрился стать ближайшим другом отца – в своем роде».

Шайна возмущенно хрюкнула: «Отец – тиран. У него не может быть близких друзей, тем более среди ао».

Кельсе печально покачал головой: «Ты его просто не понимаешь. И никогда не понимала».

«Понимаю – не хуже тебя».

«Может быть и так. С ним трудно сблизиться. Кургеч составляет ему компанию как раз того сорта, какая ему нужна».

³ Качемба: тайное святилище ульдр, место ворожбы и колдовства; как правило, находится в пещере.

Шайна снова хрюкнула: «Непритязательное, верное существо, знающее свое место – вроде собаки».

«Ты глубоко ошибаешься! Кургеч – ульдра, отец – пришлый. Ни тот, ни другой не желают быть ничем иным».

Шайна залпом допила оставшийся сок: «В любом случае я не намерена спорить ни с тобой, ни с отцом». Она поднялась на ноги: «Прогуляемся к реке. Противоморфотная изгородь еще держится?»

«Говорят, ее регулярно чинят. Но я не был в Оланже с тех пор, как ты улетила на Танквиль».

«Лучше поскорее забыть эту неприятную историю. Пошли, найдем двенадцатипозвоночную кикимору, с тройными клыками, в игольчатом перламутровом экзоскелете!»⁴

В ста метрах от террасы дорожка, параллельная пляжу, поворачивала вглубь болотистой поймы, окаймлявшей устье Виридиана, и заканчивалась у высокой ограды, затянутой стальной сеткой. Рядом красовался предупреждающий знак:

ВНИМАНИЕ!

Морфоты коварны и опасны! Ни в коем случае не соглашайтесь на *какие бы то ни было* предложения речных автохтонов и не принимайте от них *никаких* даров! Морфоты приближаются к ограде с единственной целью: искалечить, оскорбить или напугать интересующихся ойкуменидов.

ПОМНИТЕ!

Морфоты нанесли тяжелые увечья многим любопытствующим!

ВАША жизнь в опасности!

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, БЕСПРИЧИННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ МОРФОТОВ СТРОГО ЗАПРЕЩЕНО.

Кельсе заметил: «Месяц тому назад семья туристов с Альцида пришла посмотреть на морфотов. Пока родители обменивались шутками с бутылкоголовым босхоидом в ползучих красных кольцах, другой морфот привязал к длинной ветке живую бабочку на нитке и заманил в заросли трехлетнего ребенка. Мама с папой и оглянуться не успели, как сыночка след простыл».

«Отвратительные твари. Должны же быть какие-то правила, ограничения! Неопытных инопланетян мог бы сопровождать платный экскурсовод-морфотграф».

«Кажется, Дума собирается провести закон „Об охране туризма“ или что-то в этом роде».

Прошло минут десять, но морфоты не пожелали вынырнуть из болота, чтобы предложить какую-нибудь тошнотворную сделку. Шайна и Кельсе вернулись в отель, спустились в подводный ресторан и пообедали, заказав рагу из раков со стручковыми перцами и диким луком, салат из охлажденного кресса и горячие черные лепешки из молотых семян степного ферриса. Их окружало лучезарное сине-зеленое пространство – на расстоянии протянутой руки плавали, росли, ползали и дрейфовали по воле течения животные и растения Хурманского моря: белые угри и глянцево-синие рыбы-ножницы сновали в порослях гидрофитов, стайки кроваво-красных искрешек, зеленых морских змеек, канареечно-желтых щебетух ритмично поблескивали, возникали и пропадали, временами высыпая мириадами, просеиваясь друг через друга в пуантилистическом беспорядке и вновь приобретая единообразие. Раза три появлялись отлива-

⁴ Морфотопрография (наблюдение за морфотами) – своего рода спорт, удовлетворяющий как эстетические, так и менее возвышенные потребности. Морфоты способны стимулировать формирование всевозможных выростов на теле – шипов, вуалей, раскрывающихся наподобие веера плавников и воротников, ветвящихся и срастающихся рогов, образующих сложные пространственные решетки – превращаясь в фантастические, завораживающие видения. Морфотопрографы выработали целый словарь терминов, позволяющих описывать и классифицировать структурные элементы экстерьера морфотов.

ющие серебром лиловые спанги – трехметровые страшилища, оцетинившиеся ядовитыми колючками, зазубренными усами-щупальцами и ворохом длинных острых зубов. Привлеченные движениями обедающих в полутемном ресторане, хищные рыбыны с глухим стуком бросались на хрустальное стекло и уплывали прочь в раздраженном недоумении. Однажды поодаль проскользнула зловещая туша черного матадора, а еще дальше, в обесцвеченной толщей воды синеве, на минуту показался дергающийся силуэт плывущего морфота.

Ко столу приблизился человек, выглядевший на два-три года старше Кельсе: «Привет, Шайна».

«Привет, Джерд», – с прохладцей отозвалась Шайна. По причинам, не совсем ясным для нее самой, она с младенчества испытывала неприязнь к Джерду Джемазу. Тот вел себя сдержанно и вежливо, не отличаясь ни уродством, ни красотой – широкоскулый, со впалыми щеками и густой, коротко подстриженной темной шевелюрой над большим покатым лбом. Его костюм – темно-серая рубашка и синие брюки – казался почти подчеркнуто простоватым в Оланже, где каждый стремился перещегоолять другого модными нарядными новинками. Шайна внезапно поняла, почему Джемаз производил отталкивающее впечатление. В нем невозможно было заметить ни одной из маленьких причуд, ни одного из мелочных простибельных грешков, придававших очарование другим ее знакомым. Будучи не слишком широк в кости и не грузен, Джемаз, судя по тому, как натягивалась его одежда при движении, был достаточно мускулист. «Так же, как одежда, скрывающая доставшееся по наследству атлетическое телосложение, его напускная скромность – маска, скрывающая врожденное высокомерие», – подумала Шайна. Неудивительно, что Джерд Джемаз нравился ее отцу и Кельсе – он превосходил обоих в упорном сопротивлении новшествам, а его мнение, однажды сложившееся, поколебать было труднее, чем скалу под цитаделью предков.

Джемаз присоединился к брату и сестре, воспользовавшись свободным стулом. Чтобы не показаться слишком необщительной, Шайна поинтересовалась: «Как идут дела в Суани-сете?»

«Потихоньку».

«В поместьях никогда ничего не происходит», – заметил Кельсе.

Шайна перевела взгляд с одного на другого: «Вы надо мной издеваетесь!»

На лице Джерда Джемаза появился намек на улыбку: «Почему же? У нас если что-то и происходит, то исподволь, украдкой».

«Так что же происходит исподволь и украдкой?»

«Ну, например... Виттоли⁵ из Вольных земель тайком пробираются в поместья и поговаривают о коалиции всех ульдр под предводительством Серого Принца – а его цель, как известно, состоит в том, чтобы „сбросить помещиков в море“. В последнее время участились нападения спираний⁶ на воздушный транспорт – на прошлой неделе сбили Ариэля Фарлока из Кармиона».

«Нельзя не признать, что в Уаие установилась нездоровая атмосфера, – мрачно кивнул Кельсе. – Все это чувствуют».

⁵ Один из нескольких тысяч ульдр рождается круглоголовым низеньким альбиносом-евнухом; таких уродцев называют «виттолями». К ним относятся со смешанным чувством отвращения, презрения и суеверного ужаса. Виттолям приписывают способность к пустячному чародейству – время от времени они промышляют заклинаниями, заговорами и зельями. Серьезная магия, конечно, остается прерогативой племенных шаманов. Виттолям поручают погребать мертвых, пытаться пленников и выполнять различные поручения в качестве посланников, свободно пересекающих границы племенных земель. Их не трогают по всему Алуану, потому что никакой уважающий себя воин-ульдра не снизойдет до того, чтобы убить виттоля (или не осмелится допустить подобную бестактность).

⁶ Спирания: примитивный одноместный летательный аппарат – в сущности, не более чем крыло с закрепленным на нем огнестрельным оружием. Используется ульдрами благородных каст при нападениях на вражеские племена и поединках между собой.

«Даже папаша, судя по всему, не в себе – вздумал шутки шутить на старости лет. На него это не похоже. Кстати, что именно его так насмешило – кто-нибудь знает?»

«О чем это вы?» – непонимающе нахмурился Джемаз.

«Отец прислал письмо, – объяснил Кельсе. – Я тебе говорил, он ездил к ветроходам в Пальгу. Похоже на то, что путешествие превзошло все его ожидания». Кельсе вынул письмо и прочел вслух: «Мне пришлось пережить невероятные приключения. Смогу рассказать одну забавную шутку – я затратил десять лет на то, чтобы ее раскопать. Потрясающая по своей нелепости ситуация! Ты будешь смеяться до слез...» Кельсе пропустил пару строк: «Дальше он пишет, что встретит нас в Галигонге: „Не смею появляться в Оланже. Очередное сборище надутых обезьян у Вальтрины мне просто не под силу. Вся эта болтовня вокруг да около и выше облака ходячего – за ней ничего не стоит, кроме нежелания смотреть правде в лицо и называть вещи своими именами. Сцинтаррийские ханжи, словоблуды, эстеты, очковтиратели, сибариты, сикофанты! Как вспомню, так вздрогну. Не забудь захватить Джерда – нам нужно вместе вернуться в усадьбу. Он не хуже тебя оценит масштабы комедии. Передай Шайне, что я буду рад снова увидеть ее дома...“ Ну, и дальше еще несколько слов в том же роде. Он, однако, нигде не упоминает, в чем, собственно, заключается комедия».

«В высшей степени загадочно», – согласился Джерд Джемаз.

«Я тоже не понимаю – что вызвало у отца взрыв веселья? Что он обнаружил на плоскогорье Пальги? Надо полагать, что-то необычное – с чувством юмора у него всегда было туго».

«Что ж, завтра узнаем, – Джемаз поднялся на ноги. – А теперь прошу меня извинить, осталось несколько неотложных дел». Он слегка поклонился Шайне – как ей показалось, достаточно пренебрежительно.

Кельсе спросил: «Ты придешь на вечеринку к Вальтрине?»

Джемаз покачал головой: «На многолюдных приемах я... не в свой тарелке».

«Полно, сделай нам одолжение! – воскликнул Кельсе. – К тому же у тебя, скорее всего, будет редкая возможность полюбоваться на Серого Принца – его пригласили в числе прочих местных знаменитостей».

Джемаз поразмыслил несколько секунд – так, как если бы Кельсе выдвинул неожиданно убедительный, но чреватый сложными последствиями аргумент: «Хорошо, я приду. Где и когда?»

«Вилла Мирасоль, в четыре часа пополудни».

Глава 2

Дорога к вилле Мирасоль – продолжение проспекта Харанотиса – петляла по склону Панорамной горы в рощах гонаивы, корифонского тика, лангтанга и булавоголола. Нырнув под въездную арку, она огибала обширный газон и кончалась у виллы в легком и приятном стиле рококо-декаданса – эlegantного сооружения из прозрачных и матово-белых стеклянных панелей, разделенных узкими колоннами с каннелюрами и увенчанных, на манер пагоды, ступенчатой крышей, спускавшейся под разными углами на разных уровнях.

Вальтрина д'Арабеск, приходившаяся сестрой деду Шайны и Кельсе, приветствовала обоих с бурным энтузиазмом, вполне искренним, хотя и распространявшимся на всех гостей без исключения. Шайну неизменно поражали неиссякаемые энергия и общительность тетушки. Кельсе считал, что Вальтрина придает слишком большое значение модным увлечениям, но даже он не мог не одобрять ее щедрое гостеприимство. И Шайна, и Кельсе приготовились к настойчивым приглашениям – и не ошиблись. Вальтрина требовала, чтобы они немедленно переехали из гостиницы в Мирасоль и оставались у нее неделю, две недели, месяц! «Я же вас не видела целую вечность! Шайна, сколько лет прошло? Даже не помню...»

«Пять».

«Неужели? Как летит время! Честно говоря, никогда не понимала, почему ты вдруг взяла и сиганула на Танквиль. Твой отец, конечно, динозавр, но при всем при том он такой душа! Хотя ему, видите ли, недосуг заехать на денек-другой в Оланж... Интересно, чем он так занят у себя в поместье? Там же положительно нечем развлечься! Глушь, дебри, захолустье!»

«Ну зачем же преувеличивать! У нас, например, много великолепных видов».

«Вполне возможно. Но Ютер и его приятели упорно делают вид, что им нравится мозолить глаза аборигенам. Этого я тоже никогда не понимала. Рассветная усадьба напоминает пограничный форт».

«Тебе не мешало бы как-нибудь у нас побывать», – заметил Кельсе.

Вальтрина решительно отвергла такую возможность в принципе: «С детства там не была, а теперь меня туда никакими пряниками не заманишь. Ваш дед Нориус еще умел жить в ногу со временем, даром что помещик. Помню, в свое время он устраивал приемы – откровенно говоря, слишком церемонные. А еще он возил нас на пикник к громадному каменному столбу, красному, как кирпич... Запомнювала – как называлось это место?»

«Ржавый Перст?»

«Вот-вот. Расположились мы под этим Перстом, а мимо проезжали всадники из местного племени. Смотрят на нас и хмурятся: дескать, понаехали сюда всякие, отняли у нас землю, а теперь что хотят, то и делают... Пустого места у вас в глуши, конечно, более чем достаточно, но я хотела сквозь землю провалиться! Как можно устраивать пикники, будучи на осадном положении?»

«Ао не нарушают мир. Мы помогаем им, они – нам. В наших отношениях нет ни вражды, ни презрения», – терпеливо возразил Кельсе.

Вальтрина с улыбкой покачала головой: «Дорогой мой, откуда ты знаешь, что у них на уме? Конечно, ульдры возмущаются наглостью пришлых, даже если на их синих лицах ничего не написано. У меня есть друзья среди кочевников, от меня правду не скроешь! Но зачем я стала бы тебя переубеждать? Ты еще недавно пешком под стол ходил и полон радужных иллюзий. Пойдемте, я представлю вас гостям. Или вы предпочитаете сами бродить вокруг да около?»

«Мы лучше как-нибудь сами обойдемся», – буркнул Кельсе.

«Как хотите. Позовите Алджера, он принесет что-нибудь выпить. И пожалуйста, Кельсе, не надо хвататься за оружие и стрелять, как только ты увидишь моих эрджинов. Их зовут Сим

и Слим, они совсем ручные и страшно дорогие. Вечером мы еще успеем поболтать на славу!» – Вальтрина отправилась встречать группу новоприбывших. Кельсе взял Шайну под локоть и подвел ее к буфету, где дворецкий Алджер колдовал над коктейлями, смешанными по рецептам, не менявшимся с незапамятных времен. Брат и сестра приняли у него из рук по бокалу пунша и принялись разглядывать собравшихся, чтобы сориентироваться. Шайна не замечала ни одного знакомого лица. Ульдры были тут как тут, человек шесть: высокие, поджарые, длинноносые сорвиголовы с отливающей ультрамарином синевато-серой кожей и перевязанными лентами, высоко торчащими пучками бледно-рыжеватых волос.

Кельсе пробормотал сестре на ухо: «Вальтрина не отстает от моды. Нынче в Оланже ни одна вечеринка не обходится без ульдры, а здесь их предостаточно».

«Почему бы кочевников было зазорно приглашать в гости? – возразила Шайна. – Они такие же люди, как мы».

«Почти такие же. Их вельдеви́ста⁷ чужда нашей. Если говорить об эволюции в геологических терминах, между нами и ульдрами образовался разлом, причем они продолжают потихоньку дрейфовать в сторону».

Шайна вздохнула и присмотрелась к ульдрам повнимательнее: «Среди них нет Серого Принца?»

«Нет».

Мимо проходила Вальтрина в сопровождении человека средних лет – привлекательной, хотя и ничем не примечательной наружности, в темно-сером костюме, расшитом бледно-серыми узорами. Задержавшись, она представила спутнику своих родственников: «Эррис, вот мои племянники-Мэддоки, Шайна и Кельсе. Шайна только что вернулась с Танквилля, где закончила лицей. Шайна, Кельсе – перед вами Эррис Замматцен, заседающий в Думе. Очень влиятельный человек». Тетушка добавила – пожалуй, с некоторым злорадством: «Шайна и Кельсе выросли в Рассветном поместье Алуана и считают, что на Корифоне больше нигде нельзя жить по-человечески».

«Надо полагать, им известно нечто, о чем мы не догадываемся».

Шайна спросила: «А вы родились в Оланже, доминe⁸ Замматцен?»

«Что вы, я – пришлый, подобно большинству горожан. Двенадцать лет тому назад я здесь поселился, чтобы удалиться на покой, но о каком покое может быть речь, когда Вальтрина и десятки других активистов требуют, чтобы я стоял на страже, не смыкая глаз? Нигде не видел такой бурной интеллектуальной жизни, как в Оланже! Поверьте мне, все это чрезвычайно утомительно».

В ответ на призывные жесты Вальтрины приблизилась высокая женщина с длинными светлыми локонами, завитыми в напоминающие пружинки спирали. Слишком крупные черты ее лица, преувеличенные косметикой, напоминали маску паяца – Шайна даже спросила себя: «Над кем она издевается – над собой или над миром?» Вальтрина произнесла громко-хриплым контральто: «А вот и Глинта Избейн, наша очередная знаменитость – она научила трех морфотов играть в дезисто и выиграла у них множество умопомрачительных трофеев! Глинта – секретарь ООС и гораздо глубже вникает в вещи, чем может показаться на первый взгляд».

⁷ Вельдеви́ста: термин из лексикона социоантропологов, суммирующий сложную структуру взаимоотношений индивидуума с окружающей средой, свойственных ему способов толкования событий, осознание им своей роли во Вселенной, его характер и личность в сравнении с представителями других культур.

⁸ В пределах Ойкумены повсеместно распространены два основных обращения: почтительное «доминe», буквально означающее «господин» или «госпожа» и применяемое, как правило, по отношению к лицам, занимающим выдающееся или высокое положение, и обычное вежливое «висфер», происходящее от звания «виасвар», в древности присваивавшегося землевладельцам-ординариям Легиона Истины.

«ООС? – спросила Шайна. – Это еще что? Простите, я только что вернулась на Корифон».

«Общество освобождения Сцинтаarre».

Шайна недоуменно улыбнулась: «От кого и зачем освобождать Сцинтаarre? По-моему, здесь и так все делают, что хотят».

«Не совсем, – с холодком отвечала Глинта Избейн. – Никто не желает... точнее говоря, никто не признаёт, что стремится эксплуатировать тяжелый труд и неудобства других с выгодой для себя, но каждый знает, что нередко такая эксплуатация имеет место. Поэтому работники сформировали гильдии, чтобы защищать свои интересы. И что же? Теперь в руках директора Ассоциации гильдий сосредоточена огромная власть! Было бы излишне напоминать о злоупотреблениях, связанных с таким положением вещей. Задача ООС в том, чтобы противопоставить излишества гильдий равносильное, восстанавливающее баланс влияние».

К собеседникам присоединился высокий молодой блондин с простодушными серыми глазами и приятной смешливой физиономией, сразу же расположившей к нему Шайну. Он заметил: «Обе группировки – ООС и Ассоциация гильдий – поддерживают мою организацию. Остается только сделать вывод, что противники тайком сговорились, и что все их пререкания – не более чем показуха для непосвященных».

Глинта Избейн рассмеялась: «Обе группировки поддерживают БЭЭ, но руководствуются при этом совершенно несовместимыми побуждениями. Только ООС делает это бескорыстно и принципиально».

Повернувшись к тетке, Шайна взмолилась: «У меня голова идет кругом от всех этих сокращений. Что такое БЭЭ?»

Вместо того, чтобы вдаваться в разъяснения, Вальтрина подвела поближе молодого блондина: «Эльво, ты еще не видел мою очаровательную племянницу, только что вернувшуюся с Танквила».

«Рад познакомиться!»

«Шайна Мэддок – Эльво Глиссам. А теперь, Эльво, расскажи ей, что такое БЭЭ, но даже не заикайся обо мне или о моих драгоценных лакеях, а то я прикажу им взять тебя за шиворот и вышвырнуть на улицу!»

«БЭЭ – общество „Борцов за эмансипацию эрджинов“, – охотно откликнулся Эльво Глиссам. – Только не подумайте, что мы сентиментальные барышни! Мы протестуем против вопиющей несправедливости порабощения разумных существ. Вальтрина, содержащая эрджинов в услужении, нередко становится мишенью нашей критики. Подождите, мы еще упрячем ее за решетку. Если она не раскается и не освободит своих рабов».

«Ха! Прежде, чем это произойдет, тебе придется доказать мне две вещи – нет, три! Во-первых, докажи, что Сим и Слим – разумные существа, а не домашние животные. Во-вторых, ниоткуда не следует, что они предпочитают дикий образ жизни домашней службе. И потом – где еще ты найдешь такую послушную, сообразительную, породистую и надежную прислугу, как мои горчично-черные красавцы? Если уж на то пошло, я собираюсь прикупить еще трех-четырёх эрджинов: со временем из них выйдут превосходные садовники».

Как раз в этот момент один из лакеев-эрджинов вошел в приемный зал, толкая перед собой тележку-этажерку с посудой. Оглянувшись через плечо, Шайна невольно отшатнулась: «Как вы не боитесь? Самец, чуть не сожравший Кельсе, был не больше! Пожалуй, даже поменьше этого».

«Моя бы воля, – отозвался Кельсе, – я бы их всех перестрелял».

В голосе Глинты Избейн появилась неприятная резкость: «Если они разумны, это было бы убийством. Если нет, это было бы просто жестокостью».

Кельсе пожал плечами и отвернулся. Джерд Джемаз, недавно прибывший и уже несколько минут следивший за разговором со стороны, нарушил молчание: «У нас есть

основания бояться эрджинов. У вас, по-видимому, их нет. Кстати, в Оланже почему-то не заметно ни одной партии или группировки, требующей освободить эрджинов, укрощаемых ульдрами-наездниками».

«Вот и основали бы такую партию!» – отрезала Глинта Избейн.

Эррис Замматцен усмехнулся: «Причины, по которым профессиональные гильдии активно поддерживают организацию висфера Глиссама, очевидны: эрджины сбивают цены на труд. Сам висфер Глиссам, надо полагать, руководствуется иными побуждениями».

«Разумеется. Хартия Ойкумены запрещает рабовладение, а эрджины порабощены. В Оланже их, по меньшей мере, не подвергают жестокому обращению. В Уайе дела обстоят по-другому. А ветроходы, о чьей неблагоприятной роли все предпочитают не вспоминать, – просто-напросто работоторговцы!»

«Или дрессировщики, если с их точки зрения эрджины – не более чем сообразительные твари».

Шайна не выдержала: «Не понимаю, как им удастся укрощать эрджинов. По-моему, это должно быть невозможно в принципе. Эрджины – злобные, безжалостные чудовища, люто ненавидящие всех людей!»

«Сим и Слим совершенно безобидны, – возразила Вальтрина. – Почему это так и каким образом их укротили? Не имею ни малейшего представления».

Сим, напоминавший мохнатого великана в роскошной ливрее, снова проходил мимо. Встретившись глазами с непроницаемым оранжевым свечением, исходившим из-под рыжеватых пучков «бровей», служивших эрджину оптическими рецепторами, Шайна поежилась – у нее возникло отчетливое ощущение, что дрессированный лакей прекрасно понимает происходящее: «Может быть, Сим предпочел бы никогда не попадаться в руки ветроходам. Никто не знает, как они одомашнивают эрджинов. Холостят? Лоботомируют? Гипнотизируют? Просто бьют, пока те не привыкают подчиняться людям?»

«Спроси его!» – любезно предложила Вальтрина.

«Меня не учили с ними объясняться».

Контроль Вальтрины стало высокомерным и беззаботным: «Так о чем же ты беспокоишься? Мои эрджины могут уйти, когда им заблагорассудится. Я не держу их на цепи. Знаешь, почему они работают? Потому что вилла Мирасоль им нравится гораздо больше, чем пустынные нагорья Уайи. И никто не жалуется – кроме Ассоциации профессиональных гильдий, усматривающей в эрджинах угрозу их невероятно завышенным ставкам заработной платы!» Вальтрина д'Арабеск надменно кивнула, подчеркивая неоспоримость своего суждения, и прошествовала в противоположный конец зала, где еще одна оживленно беседующая группа окружила пару серокожих кочевников.

Джерд Джемаз изрек, не обращая ни к кому в частности: «Нельзя сказать, что вся эта болтовня – пустая трата времени. По-видимому, для многих такое времяпровождение превратилось в пристрастие, доставляющее удовольствие, сходное с утолением голода».

Глинта Избейн соблаговолила дать ледяной ответ: «Слова – средства передачи идей. Идеи – компоненты осмысления мира».

Джемаз ухмыльнулся: «Вы, вероятно, даже не догадываетесь, что дали очень любопытную оценку происходящему».

Глинта Избейн демонстративно отвернулась и направилась туда же, куда раньше, как магнитом, притянуло Вальтрину д'Арабеск. Джемаз и Кельсе возвратились к буфету, и Алджер снабдил их прохладительными коктейлями. Шайна заинтересовалась парой алуанских светильников, высеченных из красного кремнистого известняка в характерном для кочевников стиле дерзкой асимметрии. Эльво Глиссам оказался рядом: «Вам нравятся эти лампы?»

«Любопытные поделки, – сказала Шайна. – Но лично я не стала бы держать такой светильник у себя дома».

«Даже так? На мой взгляд, ульдры выражают преклонение перед безрассудной отвагой, нарочито пренебрегая правильностью форм».

Шайна неохотно кивнула: «Надо полагать, во мне не изжиты предрассудки детства. В Рассветной усадьбе ульдрам приписывали капризную рассеянность, неуравновешенность, диковатую самонадеянность. Теперь я понимаю, что для кочевников единообразие и гармония – своего рода признаки раболепия, подчинения правилам, установленным другими. В беспорядочности форм они находят выражение своему индивидуализму».

«Возможно, с их точки зрения упорядоченность, свидетельствующая о внутренней дисциплине, заключается в чем-то другом – например, в очевидной трудоемкости обработки поверхностей».

Шайна поджала губы: «Сомневаюсь, что ульдры рассуждают столь прямолинейно. Кочевники – в особенности вольные ульдры – заносчивы и бесцеремонны. Агрессивные выходки считаются у них в порядке вещей. Подозреваю, что их поделки относятся к разряду таких выходок. Ульдра, высекающий каменный светильник, тем самым говорит пришлому покупателю: „Что хочу, то и делаю, мне никто не указ. Не нравится? Найди себе другую лампу“».

«Возникает такое впечатление, несомненно. В лучшем случае – вдохновенное пренебрежение условностями. В худшем – своего рода капризная, вызывающая неуживчивость».

«По сути дела, вы дали определение характера ульдры».

Эльво Глиссам глядел в другой конец зала – туда, где красовались два приглашенных кочевника. Шайна краем глаза наблюдала за ним. Она решила, что он ей нравится – пронзительный молодой человек чуть выше среднего роста, не без чувства юмора, вежливый. Кроме того, на него приятно посмотреть: мягкие светлые волосы, правильные черты лица... Небрежная свобода движений выдавала в нем если не спортсмена, то одного из тех любимцев судьбы, кому не стоит труда всегда оставаться в хорошей форме. Глиссам повернулся, заметил, что собеседница его изучает, и смущенно улыбнулся. Шайна поспешила спросить: «Вы не местный? Я имею в виду, вы не родились на побережье Сцинтарре?»

«Я из Дженнета на Диаманте – унылого города на безотрадной планете. Мой отец издает фармацевтический журнал. И по сию пору я, наверное, писал бы заметки о патентованных порошках от микоза ступней, если бы мой дед не подарил мне на день рождения лотерейный билет».

«Билет выиграл?»

«Сто тысяч СЕРСов».⁹

«И что вы сделали с деньгами?»

Эльво Глиссам ответил небрежным или, может быть, просто скромным жестом: «Ничего особенного. Заплатил семейные долги, купил сестре туристический аэромобиль и положил оставшееся в банк под проценты. И вот я здесь – доходы у меня незавидные, но на жизнь хватает».

«И что вы делаете – кроме того, что просто живете?»

«Ну, я нашел себе пару занятий. Как вы знаете, я работаю на БЭЭ. А еще я собрал целую коллекцию боевых гимнов ульдр. Ульдры музыкально одарены от природы и сочиняют замечательные песни, заслуживающие гораздо большего внимания, чем то, какое им уделялось до сих пор».

⁹ СЕРС (стандартная единица расчета стоимости): денежная единица, имеющая хождение по всей Ойкумене; определяется как ценность одного часа неквалифицированного труда в стандартных условиях. Все остальные валюты, если они применяются, легко конвертируются в СЕРСы, потому что только СЕРСы позволяют измерять относительную ценность любых товаров и услуг как эквивалент того или иного числа человеко-часов тяжелого физического труда – единственного универсального продукта, предлагаемого и потребляемого на любой населенной людьми планете.

«Я выросла под эти песни, – заметила Шайна. – Если бы у меня было подходящее настроение, я могла бы, не сходя с места, завывать что-нибудь такое, от чего у гостей тетки Вальтрины кровь в жилах застынет!»

«Имейте сострадание – не здесь и не сейчас».

Шайна рассмеялась: «У меня не слишком часто возникает желание «развести десять тысяч костров, чтобы сжечь десять тысяч врагов – одного за другим, и с пристрастием таким, чтоб от воплей их корчился дым!»...»

«Кстати, сегодня, кажется, должен появиться Серый Принц».

«Серый Принц – грядущий мессия Алуана, демагог и подстрекатель, гроза пришлых захватчиков?»

«Нечто в этом роде. Он выступает за создание „Паналуанского фронта“ вольных племен, призванного со временем приобщить и поглотить договорных ульдр, а затем, в конечном счете, изгнать помещиков из Уайи. Здесь его поддерживает и финансирует „Союз раскрепощения“ – другими словами, почти все население Сцинтарре».

«И вы тоже?»

«Э-э... Мне не хотелось бы признаваться в этом дочери помещика».

Шайна вздохнула: «Что поделаешь. Меня это не задевает. Вернусь в Рассветную усадьбу и буду там жить. Я решила больше не спорить с отцом».

«Разве вы не ставите себя тем самым в неудобное положение? Я чувствую, что вам не безразлична справедливость – или, если можно так выразиться, игра по правилам...»

«Другими словами, вы считаете, что мне следовало бы сочувствовать раскрепостителям? Не знаю, что вам сказать. Рассветная усадьба – мой дом, меня научили так думать, я родилась и выросла в поместье. Что, если у меня нет никакого права там оставаться? Хотела бы я остаться, несмотря ни на что? Честно говоря, я рада, что в данном случае мое мнение не имеет никакого значения, и что я могу вернуться домой, не испытывая муки совести».

Эльво Глиссам рассмеялся: «По крайней мере вы откровенны. На вашем месте я, наверное, смотрел бы на вещи так же. Кельсе – ваш брат? А кто этот темноволосый субъект с таким выражением на лице, будто у него несварение желудка?»

«Это Джерд Джемас из Суанисета, поместья к востоку от нашего. У него всегда был несколько надменный и мрачноватый характер, сколько я его помню».

«По-моему, кто-то сказал – кажется, Вальтрина – что на Кельсе напал эрджин?»

«О да. Это было ужасно. С тех пор я цепенею от страха при виде эрджина. Не могу поверить, чтобы эти огромные твари были беззлобны и послушны».

«Среди людей встречаются самые несовместимые манеры поведения. Эрджины тоже принадлежат к разным породам, причем отдельные особи могут сильно отличаться повадками от других».

«Может быть... Но стоит мне взглянуть на их жуткие пасти и волосатые лапищи, как я вспоминаю несчастного Кельсе – маленького, окровавленного, растерзанного на куски...»

«Каким чудом он выжил?»

«Его спас Кексик – мальчишка-ульдра. Подбежал с ружьем и буквально отстрелил эрджину голову. Бедняга Кельсе. Впрочем, Кексику тоже не повезло...»

«Что случилось с Кексиком?»

«Это долгая и неприятная история. Не хочу об этом говорить».

Какое-то время собеседники стояли в молчании. Наконец Эльво Глиссам сказал: «Давайте прогуляемся по террасе, посмотрим на море – завтра вам туда лететь...»

Шайне его предложение показалось удачным, и они вышли. Уже темнело, но воздух оставался теплым и влажным. За пальмовыми листьями кампандера обширным неправильным

полумесяцем искрились огни Оланжа. Выше горели звезды Ойкумены – иные, казалось, многозначительно подмигивали, намекая на величие взлелеянных ими населенных миров.¹⁰

Эльво Глиссам продолжал: «Час тому назад я даже не подозревал о вашем существовании, а теперь в моей жизни появилась Шайна Мэддок, и мне будет жаль с вами расстаться. Вы уверены, что в Алуане вам будет лучше, чем в Оланже?»

«Мне не терпится вернуться домой!»

«Вернуться – в унылые, дикие просторы? Они вас не подавляют?»

«Конечно, нет! Какая чепуха! Кто вам заморочил голову? Алуан великолепен! Небо раскинулось так широко, горизонты так далеки, что горы, долины, леса и озера теряются в перспективах! Все купается в море воздуха и света – это не поддается определению. Могу только сказать, что в Уайе что-то творится с душой. Последние пять лет мне страшно не хватало Рассветного поместья».

«Любопытно. В вашем описании Алуан совсем не таков, каким его привыкли представлять себе здесь».

«О, там очень красиво, но легкой жизни там нет. Ульдры говорят, что Уайя не прощает слабых. Трудностей и опасностей у нас больше, чем радостей и развлечений. Если бы вам привелось видеть, как дикие эрджины уничтожают скот, вы, может быть, не становились бы на их сторону с такой уверенностью».

«Ну вот! Вы меня совершенно не понимаете! Я не сторонник эрджинов. Я противник рабства, а эрджинов поработили».

«Диких эрджинов никто не поработал! Лучше было бы, если б этим действительно кто-нибудь занялся».

Эльво Глиссам безразлично пожал плечами: «Никогда не видел дикого эрджина и, скорее всего, у меня не будет такой возможности. В Сцинтарре они практически вымерли».

«Приезжайте в Рассветную усадьбу – насмотритесь на диких эрджинов в свое удовольствие».

В голосе Глиссама появилась тоскливая нотка: «Я принял бы приглашение, если бы знал наверняка, что вы не шутите».

Шайна колебалась только мгновение, хотя первоначально ее предложение было скорее фигуральным оборотом речи, нежели фактическим приглашением: «Я не шучу».

«А что подумает Кельсе? А ваш отец?»

«Почему бы они возражали? В Рассветной усадьбе всегда рады принимать гостей».

Эльво Глиссам задумался: «Когда вы отправляетесь?»

«Рано утром. Полетим с Джердом Джемазом в Галигонг, на окраине Вольных земель. Там нас встретит отец. А к завтрашнему вечеру мы уже будем в Рассветной усадьбе».

«Ваш брат может подумать, что я навязываюсь».

«Ни в коем случае! Почему бы он так подумал?»

«Ну хорошо. Буду очень рад к вам присоединиться. Честно говоря, меня перспектива такого путешествия волнует необычайно, – Эльво Глиссам, перед этим облокотившийся на балюстраду, решительно выпрямился. – В таком случае мне придется покинуть вечеринку, чтобы собраться в путь и отложить несколько дел. А завтра утром мы встретимся в вестибюле вашего отеля».

Шайна протянула ему руку: «Тогда до завтра».

¹⁰ В мирах Ойкумены и скопления Аластор, особенно на планетах пасторального типа, образовалась новая профессия звездочета – человека, умеющего называть звезды и рассказывать истории о народах, населяющих далекие солнечные системы. За небольшую мзду странствующие звездочеты оживляли вечерние сборища, откликаясь на вопросы гостей, указывавших на ту или иную звезду, и поражая их воображение чудесными повествованиями и описаниями диковинных обычаев и достопримечательностей, таящихся в глубинах космоса.

Глиссам поклонился и поцеловал ее пальцы: «До завтра». Он повернулся и ушел. Шайна смотрела ему вслед с невольной полуулыбкой на лице, чувствуя, как к горлу поднимается теплая, щемящая волна.

Шайна вернулась в виллу Мирасоль и бродила из комнаты в комнату, пока не оказалась в полутемном помещении, которое Вальтрина нарекла «качембой» и обставила так, как по ее мнению должно было выглядеть пещерное святилище кочевников. Здесь Шайна нашла Кельсе и Джерда Джемаза, обсуждавших подлинность древних фетишей тетки Вальтрины.

Кельсе нашел кощунственную маску¹¹ и поднял ее к лицу: «Попахивает дымком габбхута, а отверстия ноздрей кто-то чем-то смазывал... кажется, дильфом».

Шайна усмехнулась: «Хотела бы я знать, сколько масок подходят на вас двоих, и в каких качембах их прячут?»

«Не сомневаюсь, что и меня, и Кельсе почтили несколькими изображениями, – отозвался Джемаз. – Суанисетские фаззы не столь дружелюбны, как ваши ао. В прошлом году я заглянул в качембу у Канильской заводи. И что вы думаете? Там соорудили целый макет нашей цитадели».

«А маски там были?»

«Всего две: моя и моего отца. Причем на маску отца надели красный колпак – дело сделано».

Через три года после прибытия на Танквиль Шайна получила от брата извещение о внезапной кончине Пало Джемаза, отца Джерда, сбитого в полете неизвестным ульдрой.

«В данном случае демон-хранитель воспользовался спираньей», – заметил Кельсе.

Джемаз коротко кивнул: «Раз или два в неделю я вылетаю на своем „Дэйси“ поохотиться. До сих пор мне не везло».

Шайна решила сменить тему разговора: «Кельсе, я пригласила Эльво Глиссама в Рассветную усадьбу».

«Глиссама? Защитника прав эрджинов?»

«Да. Он никогда не видел диких эрджинов. Я пообещала, что у нас он сможет на них полюбоваться. Ты не возражаешь?»

«Почему бы я возражал? Судя по всему, он порядочный человек».

Все трое вернулись в главный приемный зал. Шайна сразу заметила среди гостей высокого молодого ульдру в строгой мантии алуанского вождя. Его облачение, однако, было сплошь серым, тогда как вожди кочевников по традиции носили темно-красные, пунцовые или розовые одеяния. Статный ульдра отличался внушительной, даже привлекательной наружностью, кожа его отливала синевой моря, выбеленные волосы сверкали, как лед. Шайна замерла от изумления, похожего на испуг. Широко раскрыв глаза, она повернулась к брату: «Что он здесь делает?»

«Перед тобой Серый Принц! – язвительно провозгласил Кельсе. – Его принимают в лучших домах Оланжа».

«Но как... почему...»

«Каким-то образом его убедили взять на себя роль спасителя синей расы».

Джерд Джемаз иронически хрюкнул. Шайна внезапно вспыхнула, разозлившись не на шутку – и на Джемаза, прирожденного хама и невежду, и на Кельсе, не уступавшего отцу ворчливостью и упрямством... Она взяла себя в руки. В конце концов, Кельсе потерял ногу и руку. По сравнению с его утратой ее огорчения были мелочными, несущественными...

¹¹ Кощунственная маска: шаман-ульдра надевает маску из обожженной глины, напоминающую внешность человека, вызвавшего недовольство соплеменников шамана, наряжается, по возможности, в краденую или выброшенную одежду негодяя и украшает волосы султаном-соцветием касты супостата, после чего посещает тайное святилище – качембу – неприятельского племени и кощунствует, то есть всячески оскверняет фетиши демонов-хранителей врагов, ожидая, что гнев оскорбленных божеств обрушится не на него, а на того, под чьей личиной он проник в качембу.

Серый Принц, обведивший взором лица присутствующих, увидел Шайну. Чуть наклонившись, он присмотрелся, выпрямился с радостным удивлением, быстрыми шагами направился к Шайне и встал прямо перед ней.

Кельсе обронил скучающим тоном: «Привет, Кексик».

Вскинув голову, как породистый конь, Серый Принц расхохотался: «Кексика больше нет! Приходится беспокоиться о престиже, – легкий акцент, свойственный всем ульдрам, придавал его речи дополнительную живость и настойчивость. – Для друзей детства я – Джорджол, а если вы настаиваете на формальностях, то – принц Джорджол».

«Вряд ли мы станем настаивать на формальностях, – съязвил Кельсе. – Ты, наверное, не забыл Джерда Джемаза из Суанисета?»

«Прекрасно его помню, – Джорджол поклонился и поцеловал Шайне руку. – Если вам так приспичило, зовите меня Кексиком, хотя...» Джорджол обвел глазами приемный зал, скользнув взглядом по лицам Кельсе и Джерда так, как если бы они были частью безличной толпы: «Предпочел бы, чтобы здесь об этом прозвище не знали. Шайна, где ты пропадала? Прошло пять лет!»

«Пять долгих лет».

«Бесконечность! С тех пор все изменилось».

«В твоём случае – явно в лучшую сторону. Насколько я понимаю, в Оланже только и говорят, что о тебе. Хотя я до сих пор не понимала, что Серый Принц – это ты!»

«Да, я преодолел много преград, и собираюсь преодолеть еще по меньшей мере столько же. Даже если это создает определенные неудобства для моих старых друзей», – теперь взгляд Джорджола задержался, наконец, на лицах Кельсе и Джерда. Но он тут же вернулся к Шайне: «Что ты теперь будешь делать?»

«Завтра возвращаюсь в Рассветное поместье. Отец встретит нас в Галигонге, оттуда мы полетим домой».

«Значит, решила стать крепостницей?»

«Крепостницей? Это еще что такое?»

Кельсе произнес тоном старика, уставшего от детских шалостей: «Всякого, кто не подлизывается к раскрепостителям, тут же обзывают крепостником».

Шайна возразила кочевнику: «Я возвращаюсь, оставаясь самой собой, ни больше ни меньше, и ни с кем не собираюсь ни о чем препираться».

«Это может оказаться труднее, чем тебе кажется».

Шайна с улыбкой покачала головой: «С отцом я как-нибудь свыжусь. Ты прекрасно знаешь, что он человек разумный, и жестокостью не отличается».

«Как любая стихийная сила! Бури, грозы, ураганы – их тоже нельзя назвать неразумными или жестокими. Но с ними невозможно справиться, взывая к доброте и логике».

Шайна печально рассмеялась: «И ты намерен „справиться“ с моим бедным отцом?»

«Другого выхода нет. Я – раскрепоститель. Я обязан вернуть своему народу земли, отнятые у него твоим народом, отнятые обманом и насильем!»

Джерд Джемаз поднял глаза к потолку и наполовину отвернулся. Кельсе сказал: «Кстати о моем отце. Сегодня я получил от него письмо – весьма любопытное. В частности, он пишет: «Если, паче чаяния, ты встретишься с бездельником и плутом Джорджолом, постарайся привести его в чувство. Так будет лучше для него самого. Возможно, перспектива делать карьеру в Рассветной усадьбе его больше не привлекает. Тем не менее, передай ему, что после того, как надутый им пузырь лопнет (а это рано или поздно произойдет), я всегда буду рад приветствовать его у себя – по причинам, всем нам хорошо известным. Я только что вернулся из Вольводеса и не могу дождаться вашего приезда. Мне пришлось пережить невероятные приключения. Смогу рассказать одну забавную шутку – я затратил десять лет на то, чтобы ее раскопать. Потрясающая по своей нелепости ситуация! Ты будешь смеяться до слез... Не сомневаюсь, что

Джорджол тоже мог бы извлечь из моего рассказа весьма поучительную мораль...». Остальное к тебе не относится».

Джорджол высоко поднял выбеленные брови: «О чем это он? Я не интересуюсь анекдотами».

«Не знаю, не знаю... Мне, например, не терпится выяснить, кому и как впервые удалось рассмешить отца до слез».

Джорджол погладил свой длинный нос, лишенный – явно хирургическим путем – типичного для любого ульдры уродливо свисающего кончика: «Насколько я помню, Ютер Мэддок действительно никогда не отличался чувством юмора».

«Верно, – кивнул Кельсе. – Тем не менее, он устроен гораздо сложнее, чем ты себе представляешь».

Джорджол нахмурился, помолчал: «Твой отец руководствовался, главным образом, строгими правилами этикета. Кто знает, что он за человек на самом деле?»

«Всех нас формируют жизненные обстоятельства», – пожал плечами Кельсе.

Джорджол широко ухмыльнулся, обнажив зубы белее выбеленных волос, сверкнувшие на фоне темной синеватой кожи: «О нет! Я – это я, потому что я сам – вершитель своей судьбы!»

Шайна не сумела сдержать нервную усмешку: «Послушай, Кексик... Джорджол – Серый Принц – как бы ты себя не называл – опомнись! Если ты будешь выкрикивать лозунги с такой страстью, люди испугаются и подумают, что ты спятил».

Ухмылка Джорджола слегка увяла: «Как тебе известно, я человек страстный». Вальтрина позвала его с другого конца зала. Джорджол откланялся, бросил последний быстрый взгляд на Шайну и удалился.

Шайна глубоко вздохнула: «Что правда, то правда. Его всегда обуревали страсти».

Поблизости оказался Эррис Замматцен: «Не могу не заметить, молодые люди, что вы, по-видимому, близко знакомы с Серым Принцем?»

«С Кексиком? А как же! – злорадно отозвался Кельсе. – Отец подобрал его младенцем на окраине Вольных земель – он даже не подкидыш, родители бросили его подыхать в пустыне. Кексик вырос с нами в усадьбе, под присмотром управляющего-ао».

«Отец всегда жалел Кексика, – задумчиво произнесла Шайна. – Когда нас ловили на какой-нибудь злостной проделке – а хулиганили мы на славу! – мы с Кельсе непременно получали затрещины, а Кексик отделялся выговором».

«По сути дела жалостью это назвать нельзя, – возразил Кельсе. – Отец просто-напросто соблюдал этикет, упомянутый тем же Кексиком. Ударить синего – хуже, чем убить».

Замматцен взглянул на группу кочевников, стоявших поодаль: «Выглядят они достаточно внушительно. Не возникает ни малейшего желания подойти и вlepить одному из них пощечину».

«Ответная пощечина не последует – ульдра промолчит, а потом зарежет вас в темном углу. Впрочем, может зарезать и сразу, при всех. У них только женщины дерутся голыми руками. Причем женские драки – популярная забава».

Замматцен с любопытством повернулся к Кельсе: «Возникает впечатление, что ульдры не вызывают у вас симпатию».

«Почему же? Ульдры ульдрам рознь. Наши ао, например, ведут себя вполне прилично. Шаман Кургеч – один из ближайших приятелей моего отца. В поместье запрещены женские драки и некоторые другие отвратительные обычаи. Но кочевники продолжают заниматься колдовством – с этим мы справиться не можем».

«Надо полагать, Джорджол не воспитывался как ульдра?»

«А он никак не воспитывался. Жил с управляющим-ао, на уроки ходил вместе с нами, играл вместе с нами, носил ойкуменическую одежду. Мы даже не вспоминали о том, что он – синий».

«Я им всегда восхищалась, – заметила Шайна. – Особенно после того, как он спас Кельсе от эрджина».

«Даже так! Вы потеряли руку и ногу в схватке с эрджином?»

Кельсе сухо кивнул и собирался сменить тему разговора, но Шайна вмешалась: «Это случилось в трех километрах к югу от усадьбы. Мы играли в прятки под Ржавым Перстом. Эрджин выскочил из-за скалы и набросился на Кельсе. Джорджол подбежал вплотную и отстрелил эрджину голову – как раз вовремя. Если бы не он, Кельсе не стоял бы сейчас с нами. Отец всегда хотел отблагодарить Джорджола, сделать для него что-нибудь...» Шайна помолчала, восстанавливая в памяти события пятилетней давности: «Но возникли эмоциональные проблемы. У Джорджола началось аура.¹² Он сбежал, и мы его больше не видели. Кургеч говорил, что он покинул Договорные земли и присоединился к гарганчам. Мы знали, что он из гарганчей – у него было родимое клеймо. Так что опасаться „втирания в землю“ не приходилось».

«Синие „втирают в землю“ пойманных кочевников из вражеских племен, – пояснил Кельсе. – Всего лишь одна из множества мучительных казней на все случаи жизни».

Шайна смотрела на Джорджола, красовавшегося среди гостей: «А сегодня мы повстречались с ним в вилле Мирасоль. Конечно, мы ожидали, что он сумеет за себя постоять, но кто мог подумать, что он сделает политическую карьеру?»

«Отец считал, что из него вышел бы неплохой пастух, складской рабочий или даже управляющий», – неприязненно произнес Кельсе.

«Вы не можете не согласиться с тем, что перед талантливым ульдрой, желающим проявить себя, добиться успеха или занять видное положение в обществе, закрыты практически все двери», – возразил Эррис Замматцен.

Джерд Джемаз иронически фыркнул: «Синий кочевник только и мечтает о том, как бы ему совершить успешный набег, получить большой выкуп или награть денег на постройку спирањи. Он не желает становиться инженером или учителем – не больше, чем вы хотели бы стать укротителем диких эрджин».

«Я способен подавить в себе такое стремление», – улыбнулся Замматцен.

«Подумайте сами, – оживился Кельсе. – Синие могут свободно приезжать в Сцинтарре, посещать школы, приобретать любые профессии. Но кочевников, пользующихся этими возможностями, можно пересчитать по пальцам. Почему? Почему все синие в Оланже – агитаторы и прихвостни раскрепостителей, живущие на подачки? Все они преследуют только одну цель – вытеснить помещиков с Договорных земель».

«По их мнению, это их земля», – заметил один из нотаблей.

«Если им удастся нас изгнать, это будет их земля, – ответил Кельсе. – Если нет, она наша».

Замматцен пожал плечами и отвернулся. Кельсе прикоснулся к плечу сестры: «Нам пора. Завтра тяжелый день».

Шайна не возражала. Вместе с Джердом Джемазом они попрощались с Вальтриной и покинули виллу Мирасоль.

Было поздно, но Шайна не могла заснуть. Она вышла на балкон – постоять под звездами. Море утихло, город спал. Редкие огни мерцали вдоль берега и сквозь темную листву на скло-

¹² Аура: непереводаемый термин, обозначающий состояние кочевника, охваченного непреодолимым отвращением к любым ограничениям цивилизованного образа жизни. Иногда этот же термин применяется в отношении животного, заключенного в клетку и отчаянно стремящегося вырваться на свободу.

нах холмов. Тишину нарушали только мягкие вздохи приборя... Прошел день, полный событий. Кельсе, Джерд Джемаз, Вальтрина, Кексик (Серый Принц, не иначе!) – все они выступили из дымки детских воспоминаний, приобрели обостренные черты характера, вступили в напряженные отношения. Шайна вернулась домой, чтобы найти покой – теперь эта надежда казалась потерянной навсегда. Перед ее внутренним взором возникло лицо брата. Кельсе стал циничнее и суше, чем она могла себе представить. Он слишком быстро повзрослел – все его мальчишеское дружелюбие улетучилось. Джерд Джемаз? Черствый, безжалостный мужлан с каменным сердцем... Кексик, отныне именуемый Джорджолом – смысленый и галантный, как всегда. В Рассветной усадьбе его кормили и одевали, в ней ему дали образование, Рассветной усадьбе он обязан жизнью, в конце концов... А теперь Рассветное поместье стало мишенью для нападков раскрепостителей. Какая ирония судьбы! Эльво Глиссам... Шайна почувствовала теплый прилив крови – сердце с готовностью встрепенулось. Она надеялась, что Глиссам проведет в Рассветном поместье недели, может быть, даже месяцы. Она показала бы ему Опаловые копи, озеро Вуалей, луг Санреддина, Заколдованный лес и охотничий домик на Майской горе. Она упростила бы Кургеча устроить Большое Кару!¹³ Эльво Глиссам принесет веселье в Рассветную усадьбу, где давно уже царила унылая тишина. Пять лет, пять никчемных лет!

¹³ Кару: празднество ульдр, включающее пиршества, музыкальные представления, танцы, декламации и атлетические состязания. Обычное кару продолжается сутки: одну ночь и следующий день. Большое Кару празднуется три дня и три ночи, иногда дольше. Кару вольных племен – дикое торжество, нередко сопровождающиеся мрачными, кровавыми ритуалами.

Глава 3

Над Хурманским морем летел «Апекс» А-15 – неуклюжий, лишенный элегантности служебный аппарат из Суанисета. Шайна подозревала, что Джерд Джемаз демонстрировал таким образом презрение к модным поветриям Оланжа. В связи с чем она пожаловалась: «Все это превосходно и замечательно, но где знаменитый „Хайбро“?»

Джерд Джемаз запрограммировал курс на Галигонг и повернулся к ней, положив локоть на спинку кресла: «Седан в мастерской. Никак не дождусь, когда поставят новые дексоды».

Шайна помнила роскошный «Хайбро» с детства. Она спросила у брата: «Надо полагать, папаша все еще летает на старом латаном „Стюрдеванте“ с треснувшим ветровым стеклом?»

«Да, ему сносу нет. Впрочем, стекло я заменил – в прошлом году».

Шайна пояснила сидевшему рядом Эльво Глиссаму: «В поместьях жизнь никуда не торопится. Наши предки были люди предусмотрительные и практичные. То, что годилось для них, как правило, годится и для нас».

«Но мы не впадаем в апатию, – поправил ее Кельсе. – Двенадцать лет назад мы разбили виноградники на восьмидесяти гектарах, и в следующем году начнем делать вино».

«Любопытно! Наше вино, несомненно, будет дешевле привозного, – заметила Шайна. – Того и гляди разбогатеем, превратимся в магнатов-винооторговцев».

Глиссам удивился: «Я думал, вы и так уже богаты! У вас столько земли – горы, ручьи, минералы...»

Кельсе печально усмехнулся: «Мы ведем натуральное хозяйство – другими словами, потребляем почти все, что производим. Свободных денег у нас практически не бывает».

«Может быть, вы посоветуете, как выиграть в лотерею?» – предложила Шайна.

«С удовольствием! – заявил Глиссам. – Вкладывайте капитал в предприятия за пределами поместий. Например, устройте курорт с пристанью на одном из этих райских островков – смотрите, какой чудесный вид! От яхтсменов отбоя не будет».

«Плавание по Хурманскому морю – рискованная затея, – приподнял бровь Кельсе. – Бывает, что морфоты забираются на борт и убивают всех подряд, после чего забавляются, изображая мореходов. Причем твари превосходно управляют с парусами, хотя идея заниматься пиратством почему-то не приходит им в голову».

«Морфот за штурвалом, морфоты ставят паруса? Хотел бы я полюбоваться на такое зрелище!» – изрек Джерд Джемаз.

Эльво Глиссам поморщился: «Корифон – жестокий мир».

«У нас в Суанисете тихо и спокойно», – возразил Джемаз.

«В Рассветном поместье тоже, – поддержал его Кельсе. – Джорджол пытался убедить наших ао в том, что из-за помещиков их дела идут из рук вон плохо, а они даже не понимали, о чем он толкует. Так что теперь он убеждает бездельников в Оланже – больше ничего не остается».

«Джорджол мало напоминает типичного реформатора, – сказал Эльво Глиссам. – По правде говоря, он вызывает у меня противоречивые чувства. Какими побуждениями он руководствуется? В конце концов, всем известно, что Ютер Мэддок – его благодетель».

Шайна молчала. Джерд Джемаз хмурился, глядя на проплывающие внизу Мермионские острова. Кельсе ответил: «Тайны в этом, на самом деле, никакой нет. У отца своя система ценностей, и он непреклонно ее придерживается. Да, Джорджол, Шайна и я выросли вместе, вместе играли и учились наравне, но никто никогда не пытался делать вид, что не понимает действительного положения вещей. Мы – пришлые, наследники захватчиков, а Джорджол был и есть синий отщепенец, брошенный гарганчами на произвол судьбы. Он не ел с нами в парадной столовой, его кормили на кухне – что, по-видимому, унижало его гораздо больше, чем

он готов признать. А летом, когда мы уезжали на каникулы к тетке Вальтрине, Джорджола отправляли на ферму учиться обращению со скотиной, потому что папаша вознамерился сделать из него пастуха».

Эльво Глиссам понимающе кивнул и больше не задавал вопросов.

Розовое солнце уже высоко взошло, когда «Апекс» пробился сквозь гряду кучевых облаков и на северном горизонте показалась грозная тень Уайи. Мало-помалу в дымке проявились детали – утесы, пляжи, мысы. Цвета постепенно оживлялись, разделяясь на бледные серовато-коричневые, охряные, черные, желтовато-бурые и красновато-шоколадные тона. Приближался берег – от массы континента отделился полуостров, загораживавший длинную узкую бухту. В глубине бухты виднелись несколько рядов избышек и хижин, небольшое скопление складов и выдававшая виды гостиница из беленых бревен: сооруженная на причале, она наполовину нависла над водой, опираясь на целый лес корявых свай.

«Галигонг! – объявил Кельсе. – Крупнейший порт Вольного Алуана».

«Сколько отсюда до Рассветной усадьбы?»

«Примерно тысяча триста километров, – Кельсе изучал окрестности в бинокль. – Что-то не вижу старого „Стурдеванта“... но мы прилетели раньше, чем рассчитывали. Хильгарды разбили лагерь на берегу и устроили кару. Кажется, женские драки в самом разгаре». Он передал бинокль Эльво Глиссаму, но тому удалось разглядеть – к некоторому своему облегчению – лишь мешанину скачущих на месте высоких голуболицых фигур в белых, розовых и темно-желтых облачениях.

Аэромобиль приземлился. Все четверо вышли на белесый известковый берег Уайи и поспешили, закрывая лица от беспощадно палящих розовых лучей, найти укрытие в гостинице. Распахнув дверь, они оказались в полутемной таверне, освещенной только вереницей напоминающих бортовые иллюминаторы круглых окон из толстого зеленого стекла. Вышел низенький толстый трактирщик, явно из пришлых, с редкими остатками каштановых волос, раздвоенной пуговкой носа и меланхолическими карими, чуть раскосыми глазами.

Кельсе спросил: «Из Рассветного поместья сообщения были?»

«Нет, висфер, ни слова».

Кельсе снова посмотрел на часы: «Что-то он опаздывает...» Приоткрыв выходную дверь, Кельсе выглянул наружу, посмотрел на небо, вернулся: «Перекусим, в таком случае. Хозяин, что вы можете предложить?»

Трактирщик скорбно покачал головой: «Порадовать-то вас особенно нечем. Можно поджарить немного спернума. Остались консервированные полипы, пара банок. Если хотите, слуга сбегает, соберет свежей каменицы – салат сделаем. За сахарные пирожные в витрине поручиться не могу, они уже подсохли... но к чаю, наверное, сгодятся».

«Приготовьте, что найдется. Тем временем, мы не отказались бы выпить по кружке холодного эля».

«Холодным-то его не назовешь...» – продолжая бормотать, хозяин скрылся в глубине таверны.

Через некоторое время подали обед – значительно более существенный, чем можно было предположить на основе пессимистических посулов трактирщика. Шайна и три ее спутника сели за длинный стол, стоявший снаружи на причале, в тени гостиницы. Отсюда открывался вид на северный берег бухты, где расположились табором хильгарды. Хозяин гостиницы подтвердил, что кочевники уже второй день празднуют кару: «Любопытствовать не советую. Они нализались раки – если подойдете ближе, могут быть крупные неприятности. Сегодня с утра уже устроили три женские драки и восемь расколад, а к вечеру начнут запускать с колеса». Еще раз предупредив гостей многозначительным жестом, трактирщик вернулся в недра своего заведения.

«Не совсем понимаю, о чем он говорит, – заметил Эльво Глиссам, – но у меня почему-то отпало всякое желание знакомиться с местными ульдрами».

«Интуиция подсказывает вам правильное решение, – кивнул Кельсе, указав пальцем на выжженный склон холма. – Смотрите: там, где кончается тропа, вкопаны в землю лачуги вроде кроличьих клеток. В них держат заложников, ожидающих выкупа. Если выкуп не платят в течение года или двух, заложника заставляют бежать по полосе препятствий, а за ним гонятся вооруженные копьями воины верхом на эрджинах. Если пленник умудряется уцелеть и успевает добежать до конца трассы, его отпускают. Этот благородный спорт ульдры называют „расколадой“. А колесо – высокое сооружение с противовесом прямо на берегу перед табором, видите? Противовес поднимают, пленника привязывают к колесу. Противовес падает – колесо вертится. В какой-то момент канат, удерживающий пленника, обрубают, и он летит, кувыркаясь в воздухе, к скале, торчащей из моря. Иногда он падает в воду и достается морфотам. Иногда разбивается об скалу. Веселье продолжается, пока не истощается запас заложников. Тем временем ульдры набивают брюхо жареной на вертелах морфотиной, накачиваются сивухой до озверения и судачат о том, как добыть побольше заложников».

Шайне не нравился тон разговора – она не хотела, чтобы Кельсе и Джерд Джемаз внушали свои предрассудки еще не разбирающемуся в местных обычаях Глиссаму. Она сказала: «Хильгарды – не типичные ульдры. Это отверженное племя».

Джемаз возразил: «Да, отверженное – но не потому, что их обычаи чем-то не устраивают соседей, а потому, что соседние племена отняли у них племенные земли и качембы».

Шайна хотела было указать на тот факт, что варварские торжества такого рода праздновались только вольными ульдрами, и что договорные ульдры, такие, как ао в Рассветном поместье, не одобряли чрезмерные жестокости и вели себя гораздо приличнее – но заметила искорку насмешки в глазах Джемаза и придержала язык.

Прошло несколько часов. После полудня Кельсе позвонил в Рассветную усадьбу. На пыльном, засиженном насекомыми экране в углу таверны появилось лицо Рейоны Верлас-Мэддок – домоправительницы, приходившейся троюродной сестрой Шайне и Кельсе. Изображение мигало и тряслось, голос Рейоны, искаженный до неузнаваемости древними волокнами, пробивался сквозь треск и свист: «Ютер еще не в Галигонге? Не знаю, что и думать. Он вылетел с утра, должен был давно вас встретить».

«Нет, его здесь не было. Он не говорил, что где-нибудь остановится по пути, куда-нибудь заедет?»

«Мне он ничего не сказал. Шайна с тобой? Дай перемолвиться словечком с нашей девочкой, тысячу лет ее не видела!»

Шайна подошла к телефону, обменялась приветствиями с Рейоной и уступила место Кельсе. Тот попросил домоправительницу передать отцу, если тот позвонит, что его ждут в гостинице в Галигонге.

Рейона пребывала в недоумении: «Ума не приложу, где он запропастился... Может, приземлился в Триллиуме, пропустить стаканчик-другой в компании домине Хьюго?»

«Вряд ли, – недовольно ответил Кельсе. – Будем ждать, что поделаешь».

Дело шло к вечеру – солнце опускалось в Хурманское море, разбрасывая пронзительные лучи в пылающих кудрявых облаках. Подавленные нескрываемой тревогой, Шайна, Кельсе, Эльво Глиссам и Джерд Джемаз сидели у пристани лицом к закату, глядя на спокойные воды.

«Если бы с ним ничего не случилось, он не опоздал бы на целый день, – объявил Кельсе. – Совершенно очевидно: его что-то заставило сделать посадку по пути. А две трети пути – над Вольными землями гарганчей, хунгов и кийянов».

«Почему он не связался по радио, не вызвал кого-нибудь на помощь?» – спросила Шайна.

«Тому могут быть десятки причин, – отозвался Джерд Джемаз. – Не сомневаюсь, что мы его найдем где-нибудь по дороге к Рассветной усадьбе».

Кельсе тихо выругался: «В темноте мы его не найдем. Придется ждать рассвета». Поднявшись на ноги, Кельсе пошел договариваться о ночлеге и вернулся мрачнее тучи: «У хозяина две комнаты с кроватями. Он обещал повесить пару гамаков. Но не знает, что приготовить на ужин – говорит, ничего не осталось».

Тем не менее, трактирщик выставил блюдо, полное горячих пескунов, вареных в морской воде, с гарниром из игольчатой аноны и жареной капусты. После еды Шайна и ее спутники снова вышли посидеть на причале. Охваченный внезапным приступом гостеприимства, хозяин снова накрыл скатертью стоявший снаружи стол, обычно служивший для сортировки наживки и приготовления рыбацких приманок, и подал чай из вербены с печеньем и сушеными фруктами.

Беседа постепенно увяла. Какое-то время костры хильгардов пылали высоким беспоконным пламенем, потом угомонились, превратившись в тлеющие багровые огоньки. Под причалом тихо и печально плескались ленивые волны. В небе стали появляться созвездия – великолепные Гриффейды, Орфей с лютней из восьми голубых светил, чародейка Миральдра с сияющим Фенимом в алмазной диадеме, бледные вуали скопления Аластор над юго-восточным горизонтом. «Какой приятный вечер можно было бы провести в других обстоятельствах!» – с сожалением подумала Шайна. Ее подавленность объяснялась не только тревогой по поводу пропажи Ютера Мэддока. Старое доброе Рассветное поместье стало средоточием безобразной борьбы страстей, и она не знала, на чью сторону ей придется в конце концов перейти. Шайна подозревала, что не сможет стать искренней сторонницей отца – хотя это не имело никакого значения, потому что его она все равно любила таким, какой он есть. Почему, в таком случае, Джерд Джемаз вызывал в ней какое-то яростное отвращение? Его взгляды ничем не отличались от отцовских, а практичностью, находчивостью, умением постоять за себя и позаботиться о других он не уступал Ютеру Мэддоку. Она взглянула на Эльво Глиссам и Джерда Джемаза, беседовавших неподалеку. Почти ровесники, они стояли в одинаковых позах, опираясь на поручни причала – полностью самостоятельные, подтянутые и представительные молодые люди, с достоинством сознающие свои преимущества. Идеалист Глиссам, порывистый и веселый, склонен к сочувствию, к доброжелательному примирению, его все время беспокоят противоречия и расхождения нравственных критериев. В противоположность ему, Джемаз тщательно скрывает чувства под маской холодной иронии, его шутки всегда язвительны, его этические представления – если их можно так назвать – ограничиваются эгоистическим прагматизмом... Вечерний бриз отчетливо доносил негромкие слова. Джемаз и Глиссам обсуждали морфотов и эрджинов: Шайна прислушалась.

«...Озадачивает одно обстоятельство, – говорил Джемаз. – Палеонтологи нашли окаменелости, иллюстрирующие всю эволюцию морфотов, начиная с существа, напоминавшего пескунов, которых мы сегодня ели. От эрджинов, однако, не осталось никаких ископаемых остатков. Скелет эрджина состоит из эластичного хряща, рассыпающегося в прах за несколько лет. Поэтому происхождение эрджинов до сих пор не установлено. Никто даже не знает, как они размножаются».

«Никто, кроме ветроходов», – вставил Кельсе.

«Как ветроходы приручают эрджинов? Ловят диких детенышей? Получают потомство особой, хорошо поддающейся дрессировке породы?»

«Ютер Мэддок мог бы что-нибудь об этом рассказать – он только что вернулся из Пальги».

«Может быть, насмешившая его история связана с дрессировкой эрджинов?» – предположил Кельсе.

Джерд Джемаз пожал плечами: «Насколько мне известно, ветроходы ухаживают за яйцами эрджинов и обучают вылупляющихся детенышей. Дикие эрджины – телепаты. Возможно, ветроходам удастся как-то подавлять эту способность. Каким образом? Не имею ни малейшего представления».

Джерд Джемаз и Кельсе решили провести ночь на достаточно широких и мягких сиденьях «Апекса» и вскоре удалились. Эльво Глиссам и Шайна прошлись до конца причала и присели на перевернутый ялик. В темной воде отражались звезды. Костры хильгардов догорали. Откуда-то с берега донеслись отчаянно скулящие причитания, ритмично сопровождавшиеся протяжными басовитыми возгласами. Эльво Глиссам насторожился: «Какая заунывная мелодия!»

«У синих нет веселых песен, – заметила Шайна. – С их точки зрения вся наша музыка – бессодержательный набор звуков, погремушки для младенцев».

Далекие завывания мало-помалу умолкли, уступив успокоительно-безразличному плеску воды под причалом. Шайна спросила: «Вас такое начало поездки не слишком разочаровало? Я не ожидала, что возникнет столько неудобств».

«Что вы! О каком разочаровании может идти речь? Надеюсь только, что вашего отца не задержало что-нибудь серьезнее поломки или другой мелкой неприятности».

«Будем надеяться. Как говорит Джерд, отец всегда хорошо вооружен; даже если он сделал вынужденную посадку, завтра мы его найдем».

«Не хочу показаться пессимистом, – осторожно заметил Глиссам, – но почему вы так уверены? Отсюда до Рассветной усадьбы очень далеко. Поиски придется вести на огромной территории».

«Мы всегда летаем от ориентира к ориентиру – на тот случай, если забарахлит двигатель или что-нибудь в этом роде. Элементарная мера предосторожности. Завтра мы полетим в обратную сторону по тому же маршруту и, если отец не отклонился почему-либо от курса, непременно его найдем». Шайна поднялась на ноги: «Я, наверное, пойду спать».

Эльво тоже встал и поцеловал ее в лоб: «Спокойной ночи, и ни чем не беспокойтесь – ни о чем!»

Глава 4

Под серым небом, розовевшим на востоке, лежало неподвижно-зеркальное море. Из стойбища хильгардов по заливу стелился дым, придававший воздуху приятно-резковатый привкус.

Ворча и позевывая, трактирщик подал завтрак: вареных моллюсков с кашей и горячий чай. Шайна и ее спутники не теряли времени. Кельсе заплатил по счету, и уже через несколько минут «Апекс» взмыл в прохладный утренний воздух. Джерд Джемаз запрограммировал курс на Рассветную усадьбу, введя координаты промежуточных ориентиров. Набирая высоту над узкой бухтой и табором хильгардов, нескладный летательный аппарат повернул на северо-запад. Воины высыпали из палаток и вскочили на эрджинов, погоняя их электрическими шпорами. Брыкаясь, кидаясь из стороны в сторону, поднимаясь на дыбы, массивные твари пробежались на задних лапах, опустили массивные головы, вытянули шеи и галопом устремились в погоню. Всадники размахивали копьями и выкрикивали безумные проклятия.

Хильгарды скоро отстали. Аэромобиль поднялся над скалистыми береговыми склонами и продолжал полет на высоте пятисот метров, обеспечивавшей достаточно широкий обзор, но позволявшей различать все детали ландшафта. Впереди, растворяясь в легкой дымке горизонта, простирался необъятный Алуан: холмистое плоскогорье, в ложбинах покрытое зарослями серого терновника и пустоствольницы. Изредка попадались карганы – толстые стволы-обрубки с ветвями, растопыренными, как хватающие воздух костлявые руки. «Апекс» летел медленно, и четверо в кабине внимательно изучали каждую пядь земли.

Километр за километром, час за часом поиски оставались безрезультатными. Равнина круто опустилась, превратившись в нечто вроде дрожащего в раскаленном воздухе исполинского котлована, испещренного белесыми солончаковыми воронками. Дальше по курсу белели обрывистые меловые отроги горного хребта – Люцимира.

«Негостеприимный пейзаж, – заметил Эльво Глиссам. – Понятно, почему этот район не относится к Договорным землям».

Кельсе усмехнулся: «Кийянов он вполне устраивает. Каждому свое, все довольны».

«Должно быть, кийяны – неприхотливый народ. Не представляю себе, как здесь могла бы выжить ящерица, не говоря уже о человеке», – возразил Глиссам.

«В засушливое время года кийяны поднимаются в горы, к западу отсюда. В сезон дождей они спускаются к известняковым отрогам между горами и котлованом – там у них качембы».

«Вы изучали их качембы?»

Кельсе покачал головой: «Только заглядывал, никогда не заходил внутрь. Осквернителя качембы передают смерти».

«Откуда они знают, кто заходил, а кто нет?»

«Знают».

Шайна чуть развела руками: «Мы не приглашаем их в гостиные, они не приглашают нас в качембы».

«Каждому свое. Понятно».

«И все довольны», – повторил Кельсе.

«За исключением Джорджола», – напомнила Шайна.

Пролетая над хребтом Люцимира, Джерд Джемаз сбавил скорость, чтобы спутники успели хорошо рассмотреть морщинистые склоны, размытые каменистыми ручьями. Нигде не было никаких признаков «Стюрдеванта» Ютера Мэддока.

За Люцимиром открылась холмистая саванна, орошаемая дюжиной потоков, сливавшихся в полноводную реку – Лелу. Топкие берега густо поросли высокой травой и кустарни-

ком. Джемаз замедлил движение настолько, что «Апекс» почти повис в воздухе. Судя по всему, однако, «Стюрдевант» не совершал посадку в болоте.

Глиссам спросил: «Это все еще Вольные земли?»

«Да, территория хунгов. В ста пятидесяти километрах к востоку начинается Триллиум. До Рассветной усадьбы еще шестьсот километров на север».

Проплывавшая мимо саванна постепенно превратилась в полупустынную равнину, покрытую редкими кудряшками дымчато-зеленоватого сольфея. На горизонте подобно сборищу исполинских серых чудовищ высилась дюжина останцев. Джемаз заставил «Апекс» подняться выше, чтобы расширить кругозор, но поиски опять ни к чему не привели.

Они пролетели над плоскими вершинами останцев. Ландшафт, разрезанный глубокими извилистыми каньонами высохших русел, слегка оживился – под осыпями плоских возвышенностей темнели чащи густороста, местами белевшие от пуха, слетевшего с пирамидальных паутинок; в ложбинах торчали одинокие черные стволы ибикса, увенчанные шелестящими султанами длинных горчично-охряных листьев. Этот труднопроходимый район был известен под наименованием «Драмальфо».

Примерно в два часа пополудни, уже неподалеку от границы Договорных земель, они нашли «Стюрдевант» – точнее, то, что от него осталось. По-видимому, аэромобиль упал с большой высоты. Вокруг не было признаков жизни. Джемаз остановил «Апекс» в воздухе над разбитым черным корпусом, поднялся на ноги и тщательно рассмотрел окрестности в бинокль: «Что-то не так... мне все это не нравится». Продолжая поворачиваться, он замер, прицелился биноклем в какую-то точку на западе: «Синие – примерно тридцать всадников. Скачут сюда».

Джемаз стал опускать «Апекс» ближе к месту крушения, а Кельсе тем временем изучал кочевников в бинокль: «Торопятся и не смотрят по сторонам – будто знают, где мы».

«Знают, где пожива».

«Им кто-то сообщил об аварии...»

«Значит... – Джемаз обернулся, взглянул на небо, схватился за штурвал. – Спиранья!»

Поздно. Раздался взрыв, металл застонал и лопнул, «Апекс» дрогнул, накренился кормой вниз. Рядом в крутом вираже пронеслась спиранья – узкая площадка с крыльями, загнутым ветровым стеклом и длинным дулом на носу. Дуло служило одновременно и дальнобойным орудием, и тараном, позволявшим лихому пилоту, нырнув к самой земле, насаживать всадника на нос спираньи, как на вертел.

Выйдя из крутого пике, спиранья взметнулась высоко в небо, медленно вращаясь вокруг своей оси. «Апекс» падал кормой вниз – быстро переключив дюжину регуляторов, Джемазу удалось вызвать торможение. Спиранья снова пикировала. «Апекс» встряхнуло еще одним взрывом. Джемаз неразборчиво выругался. Земля приближалась угрожающе быстро – в последний момент Джемаз включил аварийную тягу, сломав рычагом ограничитель.

Ударившись кормой о кремнистую почву, «Апекс» почти опрокинулся, качнувшись назад, потом качнулся вперед и шумно упал на днище. Джемаз схватил ружье, лежавшее в ящике под сиденьем, и выпрыгнул из машины. Но спиранья, порхнувшая за грядой холмов на западе, уже скрылась.

Кельсе добрался до рации, попробовал передать сигнал бедствия: «Не работает. Нет питания».

«Он вывел из строя обе кормовые гондолы, – отозвался Джемаз. – Чтобы сбить нас, но не убивать сразу».

«Плохо дело, – сказал Кельсе. – Возможно, нам придется познакомиться с расколадой ближе, чем мы рассчитывали».

«Возьмите ружья из ящика. Там должен быть еще гранатомет», – посоветовал Джемаз.

Шайна, Эльво и Кельсе тоже покинули «Апекс». Кельсе спустился к «Стюрдеванту», заглянул в смятую машину. Возвращался он напряженный и мрачный: «Отец внутри. Мертвый».

Эльво Глиссам ошалело смотрел на разбитый «Апекс», на обломки «Стюрдеванта», на Кельсе. Он хотел что-то сказать, но промолчал. Шайна с трудом сдерживала слезы: пять лет она потеряла на Танквиле, пять лет! В безрассудном, инфантильном приступе пустопорожней самонадеянности! И теперь она никогда больше не увидит отца – никогда.

Джерд Джемаз тихо спросил у Кельсе: «Ты опознал синих?»

«По-моему, хунги. Ао тут не бывают. У эрджинов белые холки, так что это не гарганчи».

«Спрячьтесь, – сказал Джемаз. – Как только они покажутся с севера, открывайте огонь. Я заберусь повыше, попробую их перехватить. Может быть, обстрел с двух сторон поможет сравнять шансы».

Кельсе скрылся за «Апексом», Шайна последовала за ним. Глиссам постоял в нерешительности, глядя вслед Джемазу, спешившему трусцой к бугру песчаника, возвышавшемуся метрах в четырехстах к западу. Присоединившись к брату и сестре, Глиссам спросил: «Зачем он туда побежал?»

«Чтобы обстрелять синих с тыла, – объяснил Кельсе. – Вы умеете обращаться с ружьем?»

«Боюсь, что нет».

«Это очень просто. Смотрите в прицел. Наведите желтую точку на цель и прикоснитесь к этой кнопке. Поправка траектории рассчитывается автоматически. Ружье стреляет разрывными пулями. Взрыв, как правило, уничтожает эрджина вместе с наездником».

Эльво Глиссам взял ружье, нахмурился: «Вы уверены, что кочевники враждебно настроены?»

«Если это хунги – несомненно. Драмальфо – территория гарганчей, хунгам тут делать нечего. Значит, это разбойничий набег. Даже если к нам пожалуют гарганчи, добра не ждите – в мирном настроении они не приближаются на расстояние, позволяющее вести прицельный огонь. Им хорошо известны правила».

«Если их тридцать человек, по-моему, у нас нет никаких шансов. Не лучше ли вступить в переговоры?»

«Бесполезно. А Джерд позаботится о том, чтобы шансов у нас было побольше».

Добежав до бугра, Джемаз вскарабкался к плотной группе карликовых ибиксов под самой вершиной. Ульдры, все еще в полутора километрах, приближались вскачь, энергично погоняя эрджинов и потрясая над головами старинными многозарядными двустволками. Джемаз внимательно осмотрел небо. Спираньи не было – возможно, она парила в ожидании атаки, невидимая в ослепительном розовом сиянии солнца.

Ульдры оказались у основания бугра. Теперь их принадлежность к племени хунгов не оставляла сомнений. Они спешили, явно игнорируя всякую возможность засады, что устраивало Джерда Джемаза как нельзя лучше. Устроившись поудобнее, Джемаз отложил гранатомет и взялся за ружье. Хунги проскакали прямо под ним – до ушей донеслось частое стонущее дыхание эрджинов. Джемаз навел ружье на предводителя – высокого наездника в плещущемся на ветру серо-желтом облачении и головном уборе, изготовленном из человеческого черепа. Прикоснувшись к кнопке, Джемаз сразу же прицелился и снова выстрелил – второй, третий, четвертый раз. Ошеломленные грохотом и пламенем, эрджины негодуя завизжали и остановились, зарывшись в почву крепкими когтями. Джемаз разрядил гранатомет, направив его на группу опешивших, скучившихся наездников. Оглушительный взрыв заставил выживших схватиться за уздечки и повернуть эрджинов вспять. Поднявшись во весь рост, Джемаз принялся обстреливать синих всадников, пустившихся наутек. Внизу, под крутым холмом, ревели и молотили лапами изувеченные эрджины. Раненый ульдра дотянулся до ружья и выстрелил

в Джемаза – пуля просвистела у самого уха. Джемаз угостил противника еще одной гранатой, и всякое движение под бугром прекратилось.

Его сбила с ног налетевшая сверху ударная волна. Джемаз понял, что произошло, еще не обернувшись. Опасения оправдались – спира́ня, прятая на фоне солнца, стремительно спускалась. Но Кельсе тоже угадал этот маневр и выпустил по воздушному разбойнику длинную очередь. Когда Джемаз поднял голову, спира́ня кружилась вниз по странной ломаной спирали – пилот явно потерял управление. Джемаз прицелился и выстрелил, но не попал. Прибавив тяги, разбойник сумел выправить клюющий носом воздушный аппарат и поспешил скрыться за западными холмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.